Мой отец, Николай Петрович Насонов, по окончании военного училища в Чите был направлен на монгольскую границу, где прослужил с 1939 по 1944 год. В сорок четвёртом отправили его на западный фронт. Он пропал без вести где-то под Будапештом.

Естественно, жёны офицеров вместе с мужьями отправлялись по месту службы. Так мама, Насонова Надежда Андреевна, уехала по месту службы отца, где с 1943 по 1945 год служила при штабе водителем на скорой помощи. После окончания войны уехала на родину, в город Шахты. Устроилась работать в шахту на добычу угля. Её назначили бригадиром, возглавила бригаду из десяти человек, называли её «десятником».

Однажды, когда вся бригада должна была спускаться в шахту, мама заметила, что не работает «шахтёрка», пошла менять. Её бригада не стала дожидаться, сели в клеть, начали спускаться. Здесь и пришла беда — клеть оборвалась. Как всегда бывает, нашли виновного: якобы она виновна, подстроила аварию. Чтобы её не посадили, она завербовалась в Сибирь.

По приезде на место нас поселили в барак, где жили вербованные и ссыльные. Длина барака — пятьдесят метров. Длинный коридор делился на две половинки: с одной стороны двенадцать комнат, и с другой — тоже двенадцать. В бараке было четыре выхода: два по бокам и два с торцов. В коридоре никогда не было света; если и вкручивали лампочку, то её либо выворачивали, либо разбивали. И мы, пацаны в возрасте шести-девяти лет, тоже старались разбить лампочку. В темноте интересно было наблюдать за людьми. Мы специально затаскивали в тёмный коридор

доски, о которые люди спотыкались и некоторые падали. Их крики, стоны и ругательства приводили нас в восторг.

Однажды додумались: привязали в коридоре верёвку и, сидя в тёмном углу, ждали, когда кто-то пойдёт. Когда человек подходил к верёвке мы её натягивали, и он падал. Так продолжалось до тех пор, пока о верёвку не споткнулась мать моего приятеля. Она упала и сломала руку. На её крик выскочили из своих комнат люди. Падающий из комнат свет осветил угол, где прятались мы, и нам в этот раз здорово попало.

После этого меня надолго закрывали в комнате на замок. Оставалось только сидеть и смотреть в окно, умирая от скуки, или играть с кошкой. Но она оставалась со мною недолго. Через некоторое время она убегала, ныряя в дыру под пол.

Однажды я услышал шум под кроватью. Заглянул и увидел, что кошка рвёт какую-то бумажку. Оказалось, что это были три рубля. Видимо, кто-то из жильцов нашего барака уронил деньги в тёмном коридоре, а кошка их принесла к нам.

По приезде мама устроилась работать помощником рамщика, а рамщиком работал ссыльный украинец Лендьо Иосиф Иванович. Видимо, работа сблизила их, так что они вскоре поженились. У меня появился второй отец, хотя я и первого не видел. Надо сказать, что он был очень хорошим человеком. За всё время, сколько жил с нами, ни разу даже не повысил на меня голос. Да и вообще, нас у мамы было семь ребятишек, я ни разу не слыхал, чтобы он кого-то ругал. Так что вечная ему благодарность и память; пока буду жить — буду вспоминать его добрым словом.

Однажды меня встретила соседка и сказала, что наша кошка мяукает у неё в подполье. Это навело меня на мысль, что под полом можно пролезть в любую комнату. Я открыл у себя подполье, чтобы не было так темно, и добрался до комнаты друга. Уже вместе с ним мы пробрались к следующему приятелю.

Перед нами неожиданно открывались новые возможности. Мы тут же решили сделать подкоп к двум старушкам. Когда мы открыли крышку их подполья, бабули не проявили никакого удивления. Они поприветствовали нас, угостили леденцами и хлебом, сказав, что их снабжают едой люди «с алмазных рудников».

После этого мы, делая вылазку под полом, бывало, приносили им дрова. Они нас благодарили, но, правда, не каждый раз угощали корочками хлеба и конфетами.

Мы с другом, выбираясь через подпол на свободу, нашли себе новое развлечение: бегали к пленным японцам, что работали на бревнотаске, штабелировали брёвна. Солдаты нас не

гоняли. Насколько помню, японцы очень любили детей и делали нам игрушки, а мы собирали для них окурки.

Однажды, когда мы были у пленных, увидели, как они поймали ужа, сняли с него шкуру и лезвием разрезали на «пятаки». Потом они жарили их на костре и ели. Я подружился с бригадиром японцев. Прошло уже много лет, но я помню его имя: Ника-сан. Почему запомнил? Моего друга звали Николай, а дразнили — Ника.

Перед возвращением родителей домой мы торопились обратно.

Помню, с каким нетерпением, я ждал родителей с работы, они приносили булку хлеба. Мама, бывало, отрежет кусочек, а я с этим куском иду в огород на грядку. Нарву лука и ем. Мне тогда казалось, что лучше этой еды ничего на свете нет.

Когда наступало тепло, старики выходили из барака на улицу, садились на завалинку и начинали молотком пробивать швы рубах. Я сначала не понимал, что они делают. Оказывается, таким образом они выбивают платяных вшей, которые роятся в швах рубах.

Когда приходила осень, а потом зима, наступали новые проблемы. Барак заселяли крысы. Они заселялись под полом и прятались между стенок, где были засыпаны и утрамбованы опилки. За печкой начинали роиться тараканы, в топчанах — клопы. Бывало, ночью включишь свет и видишь, как эти непрошеные квартиранты, напившись крови, расползаются во все стороны.

Когда за окном моросил дождь, я днями рисовал, а ещё занятие было — брал спичку и выковыривал клопов из щелей стен.

Зимой коридор давал о себе знать: на полу образовывались ледяные кочки-наросты. Это когда открывают двери из квартиры, тёплый воздух конденсируется на потолке, и капли воды капают на пол и замерзают. Мало того, что кочки льда, так ещё когда несут воду в вёдрах, расплескивают, бывало, на пол. Каждое утро, как выйти из квартиры, приходится долбить эти кочки, так как порою двери трудно было открыть.

Общественный туалет наш был на улице, отходы из бараков жильцы несли к берегу, и там образовывалась помойка. Весной большая вода часть отходов уносила течением.

И всё равно моё детство — холодное, голодное, оборванное — было счастливым, другой жизни я не знал. В бараке мы жили с 1946 по 1949 год.

Красноярск, 10 мая 2009